

Сергей Ковальчук

Экспресс на Восток

детектив

Сергей Васильевич Ковальчук

Экспресс на Восток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28060061

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-11548-4

Аннотация

Еще одна книга из серии детективов о сыщике Серафиме Мирутине (детектив "Тринадцать" и др.) рассказывает о его расследованиях еще в бытность службы в Следственном комитете. Следователь по особо важным делам, Мирутин, получает от генерала Рымова дело об убийстве, стоящее на контроле у самого Президента. После этого, убийства множатся, как снежный ком. Но кто же убийца, один ли он и какое наказание ждет преступившего Божью Заповедь "не убий"?

Сергей Ковальчук

Экспресс на Восток

«Не судите, да не судимы будете».

(Евангелие от Матфея. Глава 7, стих 1)

Глава 1

3 августа 2015 года, понедельник.

Он сидел в своем кабинете, находящемся на втором этаже высотного здания, которое занимало главное управление по расследованию особо важных дел Следственного Комитета России. Сорокаоднолетний Серафим Дмитриевич Мирутин был высоким, худощавым, широкоплечим мужчиной в звании полковника юстиции. Он занимал должность следователя по особо важным делам. Сегодня на улице было около тридцати пяти градусов и, несмотря на мощный кондиционер, который работал в помещении, то и дело обдувая его струями прохладного воздуха, Мирутину было жарко. Он был одет в белую форменную рубашку с коротким рукавом без галстука с двумя расстегнутыми сверху пуговицами. Кроме него в кабинете никого не было.

Работать не хотелось. На столе перед ним лежало несколько томов уголовного дела о бандитизме, которое он должен был успеть передать в суд до отпуска, начинавшегося пятнадцатого августа. Он был руководителем следственной бригады и, преодолевая жару, плохое самочувствие и простую

человеческую лень, сидя за экраном компьютера, составлял обвинительное заключение. В своем управлении он считался лучшим сыщиком, не имевшим за свою двадцатилетнюю следственную практику ни одного нераскрытого преступления.

Закончив набивать показания очередного свидетеля, Серафим перевел свой взгляд с экрана монитора на наручные часы. Было без пяти час. Через пять минут начинался обеденный перерыв. Он выключил компьютер, вышел из-за стола, размял затекшие суставы, прогнул назад спину, потянулся и пару раз присел. После этого он убрал материалы дела в сейф и вышел из кабинета, закрывая дверь на ключ. В этот момент в его кабинете раздался телефонный звонок. Серафим не стал бы возвращаться, но это был сигнал аппарата внутренней связи. А, значит, его хотел слышать начальник главка генерал-лейтенант Рымов. Или один из его заместителей.

Вернувшись и сняв трубку, он услышал в динамике харизматичный, не терпящий возражений голос Рымова:

– Серафим, зайди. – После этих слов его собеседник отключился.

Пожав плечами, Мирутин покинул свой кабинет и, поднявшись на этаж выше, оказался в приемной генерала. Секретаря Верочки, разбитной бабенки с шаловливыми глазами одного с ним возраста, в приемной не было. Сыщик постучал в дверь генеральского кабинета и, услышав громкое: «вой-

дите!»), оказался в просторном помещении. Слева от него, у стены, на которой красовался портрет Президента, располагался длинный стол для совещаний. Впереди, метрах в двадцати от входа в кабинет, за массивным деревянным столом от которого, образуя букву «Т», тянулся приставной, в высоком кожаном кресле сидел хозяин. Это был выше среднего роста статный и крепкий мужчина лет пятидесяти в такой же, как и у Мирутина, белой форменной рубашке с коротким рукавом, и погонями без просвета с парой шитых золотистых звезд на каждом. Аккуратно зачесанные назад русые волосы с седыми висками, кустистые брови, крупные черты лица, широкий нос, жесткие глубоко залегающие по обе стороны ото рта морщины. Буравчики серых глубоко запавших глаз смотрели на него внимательно и строго.

– Заходи, Серафим, – глубоким низким голосом пророкотал Илья Геннадьевич, – присаживайся. – Начальник следственного главка сделал жест рукой, показывая Мирутину, чтобы он занял место за приставным столом напротив него.

Следователь сел на указанное место и с интересом посмотрел на начальника.

– Я только что с совещания у Медленцова, – имея в виду председателя Следственного комитета, поделился с ним информацией генерал. Он откинулся на спинку кресла и посмотрел Серафиму в глаза. – Председатель сообщил, что в пятницу его вызвал к себе Президент. К нему на недавнюю прямую линию обратилась женщина, которая пожаловалась

на то, что расследование уголовного дела об убийстве некоего Тимофея Ракчеева зашло в тупик. Его убийца не найден, а дело приостановлено. Между тем, этот Ракчеев обвинялся в похищении и убийстве восьмилетней девочки, Дианы Радюшкиной и в июле прошлого года был оправдан. Женщина просила Президента разобраться в этом деле, и он пообещал это сделать.

Медленцов собрал всю информацию по этим делам. Оказалось, что Тимофей Ракчеев был неоднократно судим за корыстные насильственные преступления. Последний срок он отбывал в Красноярском крае за похищение человека, вымогательство и убийство. Его убили перед Новым 2015 годом в купе спального вагона поезда «Москва-Красноярск». В Красноярск он следовал в одном купе со своей женой. Кроме того, с ними в одном вагоне ехали его помощник и мажордом. Детали этого дела ты изучишь сегодня же. Медленцов распорядился немедленно передать дело мне. Я уже звонил генералу Шапошникову, начальнику следственного управления на транспорте. У них сейчас это дело. Он отдал все необходимые распоряжения. В четыре часа дело должно лежать у меня на столе. И, как ты уже, наверное, понял, этим делом займешься ты. Срок моего доклада о раскрытии этого убийства председателю комитета – 1 сентября.

Серафим заерзал на своем стуле. Новость о том, что ему придется заниматься столь резонансным делом, стоящим на контроле у самого главы государства отнюдь его не радова-

ла. Тем более, что через двенадцать дней у него начинался отпуск с долгожданной поездкой с семьей в Сочи.

– Товарищ генерал, – почти официально обратился сыщик к Рымову, – а как же мой отпуск? Он у меня с пятнадцатого.

Начальник следственного управления нахмурился и подал корпус тела вперед:

– Я помню про твой отпуск, – со вкрадчивостью, не обещавшей ничего хорошего, посмотрел он на Серафима. – А еще я помню о своем собственном отпуске, который начинается у меня двадцать пятого августа. Только вот если мы будем помнить о своих отпусках, а не о работе и не о поручениях начальства и самого Президента, – он сделал многозначительную паузу, сверля подчиненного глазами-буравчиками, – то наши отпуска плавно перетекут в отставку. И отнюдь не почетную.

Рымов поднялся из-за стола. Серафим тоже было привстал, но его собеседник махнул рукой, давая понять, что дело волнует его больше, нежели соблюдение подчиненным субординации. Генерал стал расхаживать около стола, заложив руки за спину.

– Если у тебя через двенадцать дней отпуск, – продолжил он, – то тем сильнее у тебя должна быть мотивация, чтобы успеть. – Он подошел к висевшему на стене кондиционеру и встал под его холодные струи. Несмотря на то, что прибор был включен на полную мощность, в помещении генераль-

ского кабинета было достаточно жарко.

Наконец генерал отошел от кондиционера и сел на свое место.

– Времени у тебя мало, не спорю, – проговорил он. – И дело это непростое. Но если назвался груздем – полезай в кузовок, – поговоркой напомнил он Мирутину о том, что тот считается лучшим сыщиком всего их управления. – К тому же тебе в твоём расследовании везде будет включен зеленый свет. Все подразделения нашего ведомства, в которые ты будешь обращаться, обязаны будут отвечать на твои запросы во внеочередном порядке. Я включу в твою следственную бригаду лучших наших следователей и попрошу Шапошникова прикомандировать к нам его «важняка». – Он впервые с начала разговора улыбнулся. – Пусть побудет у тебя на побегушках, если не умеет самостоятельно раскрывать преступления. Кроме того, тебе будут выделены оперативники, которых попросишь.

– Тогда я попрошу вас включить в состав моей бригады подполковника полиции Самохвалова, – решил использовать обещание начальника Серафим.

– Хоть десять Самохваловых. Только дай мне результат, – попросил его Илья Геннадьевич.

– У меня вопрос. Где находится уголовное дело о похищении и убийстве малолетней Радюшкиной? – уточнил следователь. – В Московском городском суде?

– Да, – ответил генерал. – Совсем забыл тебе сказать. Де-

ло в том, что из-за процессуальных нарушений, допущенных при рассмотрении судом присяжных, оправдательный приговор Ракчееву был отменен. А дело направлено из Верховного суда обратно в Мосгорсуд. Оно поступило туда в январе, и было прекращено ввиду гибели подсудимого.

– А как же его родственники? – удивился Мирутин. – Они не просили заочно рассмотреть это дело и оправдать погибшего Ракчеева? Ведь из-за нашумевшего дела юриста Магнитского в закон были внесены поправки, которые позволяют это сделать.

– Значит, не просили, – отмахнулся генерал, которого это мало интересовало. – В общем, после обеда собери все материалы дела о банде Вершинина и скачай на флэшку обвинительное заключение. После четырех я тебя вызову. Заодно принесешь мне это дело. Да, и заготовь проект постановления от моего имени о передаче этого дела полковнику Кожемякину.

Генерал проникновенно посмотрел на сыщика и попросил:

– Серафим, отнесись к этому делу со всей серьезностью. Если ты его раскроешь, – пообещал Илья Геннадьевич напоследок, – то из отпуска вернешься уже не просто «важняком», а с приставкой «старший». Старшим следователем по особо важным делам.

– Я вас понял. – Мирутин поднялся со своего места. – Сделаю, все, что от меня зависит.

– И то, что не зависит, тоже сделай, – попросил генерал и, встав со своего места, проводил гостя до дверей. Это можно было толковать как высшее проявление доверия, какое только мог оказать начальник своему подчиненному.

Последние несколько лет погода преподносила сюрпризы. Причем как зимой, так и летом. Осень и весну за времена года можно было уже не считать. Потому что до середины апреля снежный покров с земли не сходил, а в конце этого месяца начинало парить, словно летом. Также и осенью. До середины октября было по-летнему тепло и сухо, после чего сразу начиналась зима. Сильный ветер, снег, мороз, потом ледяной дождь. Ну и так далее, со всеми отсюда вытекающими.

Вот и сегодня еще каких-то полчаса назад парило так, что казалось, будто город Москва расположен в районе экватора. А сейчас небо заволокло черно-серыми тучами, порывами ветра ломало деревья и сдувало с крыш их покрытие, а по московскому асфальту и крышам автомобилей барабанил крупный град вперемешку с ливневым дождем, как бы говоря: «кто не спрятался, я не виноват». Разверзлись хляби небесные, обнажая городские проблемы с ливневыми стоками. Небо раздирали молнии, после которых, спустя мгновения, весь объем окружающего пространства содрогался от мощного грозового грохота.

Сидя в своем кабинете за экраном компьютера, Мирутин посмотрел на наручные часы. Было начало пятого. Он нагнулся вниз, вынул из специального гнезда на панели системного блока флэш-карту с закачанным на нее недописанным обвинительным заключением и положил ее на стопку томов уголовного дела, возвышавшуюся у края стола. Томов дела было восемь. Все аккуратно подшиты, с одинаковым количеством листов в каждом. Серафим любил порядок и был очень аккуратным. Именно поэтому его коллеги шутили, что он перевелся к ним из следственного управления ФСБ. Потому что фээсбешные следователи славились своим умением хорошо и красиво подшивать дела. Видимо, сказывалась старая школа тридцатых-сороковых годов прошлого века, когда внешний вид уголовного дела свидетельствовал о качестве проведенного следствия. Ведь тогда нераскрытых дел просто не существовало.

Раздался звонок внутреннего телефона. Ответив генералу, следователь встал из-за стола, подкатил к нему стоявшую в углу тележку для перевозки покупок по торговому залу, позаимствованную их управлением у одной из торговых сетей, и сгрузил все тома дела в нее. Флэшку он положил в нагрудный карман рубашки. Спустя несколько минут он постучал в дверь генеральского кабинета и, получив разрешение войти, вкатил тележку с делом в помещение. Отодвинув ее в угол, Серафим, поймал на себе взгляд Рымова и, спросив разрешение, устроился на своем прежнем месте, там, где он

уже сегодня сидел. Кроме хозяина в кабинете за столом напротив него находился высокий худощавый мужчина лет сорока пяти в форменной рубашке одного с ними ведомства. На его погонах, как и на погонах Мирутина, красовались три большие звезды с эмблемой «щит и два перекрещенных меча», что свидетельствовало о том, что незнакомец имел специальное звание «полковник юстиции». На приставном столе между двумя полковниками находились четыре тома уголовного дела, в каждом из которых было примерно по триста листов.

– Знакомься, Серафим, это старший следователь по особо важным делам следственного управления на транспорте, полковник Коновалов Артем Игоревич, – кивнув головой в сторону гостя, сказал Рымов. – А это, – генерал перевел взгляд на своего подчиненного, – полковник Мирутин Серафим Дмитриевич. Оба «важняка» привстали со своих мест и пожали друг другу руки.

– А это, как я понимаю, то самое дело? – произнес Мирутин, кивнув на стопку томов, лежавшую на столе.

– Ты правильно понимаешь, – ответил ему генерал. – С сегодняшнего дня полковник Коновалов прикомандирован к нашему управлению и поступает в твое распоряжение. – Он взял лежавшую перед ним на столе скрепленную степлером стопку листов офисной бумаги. – А это постановление о передаче тебе уголовного дела по факту убийства Тимофея Семеновича Ракчеева и создании для его дальнейше-

го расследования следственной бригады. Помимо Коновалова и Самохвалова, мною туда включены еще двое следователей и столько же оперативников. Руководителем следственной группы назначен ты.

Протянув Мирутину постановление, Илья Геннадьевич посмотрел на часы. – Ну, знакомьтесь, и за работу. А мне еще необходимо сделать доклад заместителю председателя комитета.

Оба офицера встали со своих мест и, взяв по два тома дела каждый, направились к выходу. Пропустив Коновалова вперед, Серафим оглянулся на генерала и, улыбнувшись, вынул из нагрудного кармана рубашки флэш-карту, положив ее сверху на тома дела банды Вершинина.

Рымов, взяв в одну руку трубку одного из телефонных аппаратов, стоявших слева от него, шутливо нахмурился и показал ему другой рукой кулак.

Несмотря на то, что кабинет Мирутина был раза в два меньше генеральского, недостатка пространства в нем не ощущалось. Слева от входа перед стеной, на которой висел кондиционер, располагался массивный деревянный стол хозяина с небольшим приставным столиком. Левее, напротив входа, располагалось огромное, во всю стену окно, выходящее во внутренний двор здания. Оно было зарешечено снаружи. В углу, между столом и окном, располагался неболь-

шой кожаный диванчик. Напротив стола хозяина кабинета, в противоположном конце помещения, у окна, располагался еще один стол помощника следователя, который находился в отпуске. Недалеко от него, в углу, стоял высокий металлический служебный сейф, в полуметре от которого, во всю стену, почти до самого входа в кабинет, вытянулся высокий покрытый коричневым лаком офисный шкаф-купе. Одно из его отделений, ближайшее ко входу в помещение, было приспособлено под платяной шкаф с висящими внутри него плечиками для одежды. Стульев в кабинете не хватало. Их было всего три. Два находились у приставного столика, а один стоял возле стола помощника.

Войдя внутрь и положив тома дела на приставной столик, Мирутин занял один из стульев, оказавшись спиной к окну. Он предложил коллеге расположиться напротив.

– Ну что, может, сразу перейдем на «ты»? – спросил он, вопросительно поведя бровью.

– Согласен, – положив свои тома на стол, ответил Коновалов.

– Чаю, кофе? – осведомился новый начальник у своего нового подчиненного.

– Спасибо, не нужно, – отказался тот. – Давай лучше сразу к делу.

– Давай, – пожал плечами сыщик, с удивлением подумав, что лучше бы его новый знакомый отнесся с таким рвением к расследованию этого дела раньше. Тогда бы Серафиму не

нужно было размышлять, успеют ли они раскрыть это преступление до отпуска или ему, как в прошлом году, придется объяснять своим домашним, что поездка на море срывается из-за порученных ему важных государственных дел.

Коновалов коротко рассказал ему о деле. Из его рассказа, помимо того, что ему уже успел поведать генерал, следовало следующее.

Скорый фирменный поезд «Енисей», сообщением «Москва-Красноярск», отправился с Ярославского вокзала 28 декабря 2014 года. Его прибытие в Красноярск ожидалось 31 декабря, утром. Вагон, в котором произошло убийство, находился в хвосте поезда. Рядом с ним располагался вагон-ресторан, который был предпоследним. После двух часов ночи вагон-ресторан прекращал свою работу и оба вагона до утра закрывались на ключ.

Все купе вагона были заняты. Единственным купе, занятым одним человеком, было седьмое. Им был некий Ариф Джафаров, гражданин России, по национальности – азербайджанец. Самое интересное, что у него была кличка «Пуаро». Это был один из лучших в мире экспертов по вопросам преступности, раскрывший за свою карьеру частного сыщика не один десяток дел. А, может, и не одну сотню.

Тимофей Ракчеев с женой, Людмилой, занимали купе № 6. В первом купе ехал помощник Ракчеева – Антон Смакуев, в восьмом – его мажордом, Афанасий Мастерков.

Остаток дня 28 декабря, ночь и следующий день прошли

без происшествий.

Спустя полчаса после того, как поезд отправился со станции «Заводоуковская», он попал в снежный занос и остановился. Это было в половине первого ночи с 29 на 30 декабря. Утром около девяти часов из купе № 6 раздался крик. Это кричала Людмила Ракчеева. Она проснулась и обнаружила труп своего мужа. Ракчеев был зарезан ножом. На его теле было обнаружено тринадцать колотых и колото-резаных ран. Ракчеева объяснила, что накануне они с мужем легли спать около одиннадцати вечера. На ночь муж принял снотворное, которое ему перед сном принес Мастерков. Ночью она выходила в туалет, где ее кто-то закрыл снаружи ключом. Она испугалась, и какое-то время сидела тихо. По прошествии примерно 10-15 минут она решила стучать и звать на помощь. Но неожиданно дверь снаружи кто-то открыл. Она очень испугалась. Выждав несколько минут, она вышла из туалета. Ни в тамбуре, ни в коридоре вагона никого не было. Она подумала, что это было чьей-то дурацкой шуткой, зашла в свое купе, закрылась, легла и уснула. Утром она обнаружила труп мужа. Ракчеева считала, что его убили именно в то время, пока она отсутствовала.

По заключению судебно-медицинской экспертизы трупа смерть Ракчеева наступила в период между полем и двумя часами ночи. Следствие пришло к выводу, что убийцей Ракчеева явилось неустановленное лицо, зашедшее в форме проводника в вагон на станции «Тюмень», либо на станции

«Заводоуковская».

После совершения преступления убийца спрятал нож в косметичке Ракчеевой, а также, не заметив этого, потерял пуговицу от своей форменной куртки. Преступник вышел через ту же дверь, что и вошел – рядом с вагоном-рестораном.

Уточнив у полковника Коновалова некоторые детали, Серафим сообщил, что на сегодня у него больше вопросов к коллеге не имеется и отпустил его домой. На часах было пятнадцать минут седьмого.

На улице опять светило солнце и было достаточно жарко. Вернее, душно, поскольку испарявшаяся влага насыщала теплый воздух, а температура, несмотря на вечер, все росла. Назавтра, насколько он успел услышать по радио, синоптики прогнозировали все сорок. А предстоящей ночью – двадцать пять. В такую жару Серафим заснуть не мог. Причем ни дома, ни на работе. Он постоянно принимал ледяной душ. Но из-за жары даже ледяная вода, идущая из-под крана, очень быстро становилась всего лишь слегка прохладной.

Сегодня он домой не пойдет. Чтобы не терять драгоценное время, он посвятит эту ночь изучению дела и составлению плана расследования. Позвонив своей молодой красавице-жене, которая была его младше на десять лет, и, поставив ее перед фактом, что ждать его с работы сегодня не стоит, Мирутин убрал все лишнее со своего стола, взял ручку, лист бумаги, первый том дела и погрузился в его изучение. Ночь

обещала стать бессонной.

Глава 2

Из протокола допроса свидетеля Мишельского П.Н.

Петру Никифоровичу Мишельскому было 52 года. Он работал проводником поездов 30 лет. Последние семь лет являлся проводником поезда «Москва-Красноярск». 28 декабря 2014 года, незадолго перед отходом поезда он узнал, что его напарница, Вера Симакина, отравилась и попала в больницу. Начальник поезда попросил его отработать этот предновогодний рейс одному.

Их поезд отправился с Ярославского вокзала Москвы на Красноярск в 13 часов 10 минут 28 декабря. Прибытие в Красноярск ожидалось 31 декабря в 7 часов 50 минут. Вагон, в котором он был проводником, находился в самом хвосте поезда, рядом с вагоном-рестораном. После двух часов ночи вагон-ресторан закрывался, и он закрывал свой вагон на ключ до утра.

Все купе вагона были заняты. Люди располагались в них следующим образом:

Купе № 1 – места 1 и 2 занимали Сергей Харчевский и Антон Смакуев.

Купе № 2 – места 3 и 4 – Юрий Жарков и Арина Дебельская.

Купе № 3 – места 5 и 6 – супруги Родион и Алена Анд-

ронниковы.

Купе № 4 – места 7 и 8 – Алла Шапокляева и Богдана Шмитюк.

Купе № 5 – места 9 и 10 – Марина Хаммер и Аграфена Олимп.

Купе № 6 – места 11 и 12 – Людмила и Тимофей Ракчевы.

Купе № 7 – занимал Ариф Джафаров, по кличке «Пуаро».

Купе № 8 – места 15 и 16 – Антип Фараонцев и Афанасий Мастерков.

Купе № 9 – места 17 и 18 – Артемий Мелешкин и Константин Лихоимцев.

Все пассажиры сели в Москве и все ехали до Красноярска.

По пути в их вагон никто не подсаживался.

29 декабря около 21 часа супруги Тимофей и Людмила Ракчевы вернулись из вагона-ресторана, где они ужинали. Как и накануне, перед тем, как укладываться спать, Ракчев дал Петру чаевые и попросил убраться в купе и перестелить их с женой постели. Это заняло минут пятнадцать. Перед тем, как Ракчев с женой закрылся в своем купе, к нему, по отдельности, приходили его помощник, Смакуев, и порученец – Мастерков.

Примерно в половине первого ночи, 30 декабря, поезд встрял в снежный занос и остановился. После часу ночи, он, Мишельский, ходил в вагон-ресторан поболтать с официантами. Они обсуждали попадание их поезда в снежный занос. Вернулся он довольно быстро. Из своего купе его позвала

Марина Хаммер. Женщина просила принести ей чаю. Через полчаса по просьбе Смакуева он подал чай и ему. Тот разговаривал с Юрием Жарковым. Потом Жарков вернулся в свое купе.

Это было не позже двух ночи. После этого Петр, то был у себя, то сидел в коридоре. Он не мог заснуть, так как поезд стоял. Отрицал, что посторонний мог проникнуть в вагон. Когда он стучал в дверь Ракчеева, его позвала Шапокляева.

Пуговицы от кителя он не терял. Все пуговицы его формы на месте. Он не знал об истории с похищением и убийством Дианы Радюшкиной и самоубийством ее няни.

30 декабря, утром, примерно в четверть десятого, он услышал женский крик. По коридору к нему бежала жена Ракчеева. Она была в слезах и сбивчиво объяснила, что ее мужа убили. Он прошел в купе Ракчеевых, и увидел зарезанного пассажира. Тот лежал справа от входа на своей полке, на спине, одеяло было откинута, а грудь и живот представляли из себя сплошную кровавую рану. Орудия убийства он не заметил. Петр сразу же по телефону вызвал начальника поезда. К тому времени в коридоре столпилась толпа зевак, подошли Мелешкин, Лихоимцев и Джафаров. Вместе с прибывшим начальником поезда они вчетвером остались на месте происшествия, а его попросили сопроводить пассажиров в вагон-ресторан. В течение дня он исполнял поручения начальника поезда, Мелешкина и проводившего расследование частного детектива Джафарова, которого называли «Пу-

аро». Этот человек его допрашивал. А вечером, перед тем, как их поезд был освобожден из снежного капкана и двинулся дальше, этот «Пуаро» собрал всех пассажиров вагона в вагоне-ресторане и объяснил им, каким образом был убит Ракчеев. Со слов сыщика, его убил посторонний, незаметно зашедший в их вагон в форме проводника на станции Тюмень. Этот человек дождался, пока жена Ракчеева выйдет в туалет, запер ее там, после чего прошел в оставшееся не закрытым купе, где убил ее мужа, нанеся тому множественные удары ножом в живот и грудь. Убийца сунул нож в сумочку Ракчеевой и случайно обронил пуговицу со своего форменного пиджака, после чего покинул вагон, так же незаметно сойдя на станции «Заводоуковская».

Из протокола допроса свидетеля Смакуева А.В.

Антону Викторовичу Смакуеву было 40 лет. Он был знаком с Ракчеевым 11 лет. Они вместе сидели в одной колонии. Смакуев за грабеж, а Тимофей – за похищение человека, вымогательство и убийство. Отбывали срок они в Красноярском крае. Когда Антон узнал, что его шефа, Ракчеева, убили, то особо не удивился. Тот имел характер, с которым своей смертью не умирают. К тому же Ракчеев обвинялся в похищении и убийстве маленькой девочки. А это было не по понятиям. И хотя суд Ракчеева оправдал, «братва» продолжала считать, что он был причастен к этим преступлениям.

29 декабря, после ужина, он вышел на платформу станции «Тюмень». Было очень холодно, и он замерз, поэтому зашел

обратно в свой вагон. Пообщался с соседом по купе, Харчевским, потом в коридоре разговорился с Жарковым. Когда они разговаривали, мимо них проходил «Пуаро». Потом его, Смакуева, позвал Ракчеев, поручив связаться с Красноярском и узнать, будут ли их встречать. Он пошел в свое купе. Жарков все еще стоял в коридоре. Он выполнил поручение шефа, позвонил ему по телефону, доложив, что их будут встречать на вокзале, и снова разговорился с Жарковым. Потом они вместе с ним выходили из вагона на остановке «Заводоуковская». Пока разговаривали в коридоре вагона, поезд остановился, застряв в снегу. Около двух ночи разошлись по своим купе. После расставания с Жарковым, он попросил проводника принести ему чай. Никого из посторонних не видел. Один раз во время их разговора с Жарковым мимо них прошел проводник.

Утром они с соседом встали в девять часов, умылись, сели завтракать. Вдруг они услышали крики и узнали, что Ракчеев убит. Он подошел к купе Ракчеевых и видел, что Тимофея зарезали, причем били ножом его много раз. Грудь и живот трупа были в крови. После этого проводник и начальник поезда попросили его и остальных пассажиров пройти в вагон-ресторан, где они находились весь день, до того момента, пока поезд снова не двинулся в путь. Перед этим «Пуаро» рассказал всем, что Ракчеева убил неизвестный в форме проводника, проникший в вагон на станции «Тюмень» и покинувший его на станции «Заводоуковская». Преступ-

ник запер вышедшую из своего купе в туалет Людмилу Ракчееву, убил Тимофея, сунул орудие убийства в сумочку его жены, уронил в купе оторвавшуюся пуговицу и был таков.

Из протокола допроса свидетеля Мастеркова А.Ф.

Мастерков Афанасий Федорович, 40 лет, управляющий в квартире погибшего (мажордом). Последний раз видел шефа около 21 часа 29 декабря. По просьбе Ракчеева он принес и дал тому снотворное. Выпил ли его хозяин, он не видел. Жена хозяина в это время смотрела телевизор. По утрам его босс вставал по-разному. Но обычно не раньше десяти часов

Ракчеев свидетелю не нравился, был хамовит, высокомерен, иногда позволял себе его унижать, но платил щедро. Он помнил из сообщений СМИ о деле с похищением и убийством девочки. но не знал, что в этих преступлениях обвинялся Ракчеев.

Вечером 29 декабря, после ухода от него, он пошел к себе в купе и находился все время там, читал. С ним в одном купе ехал Антип Фараонцев. Они не общались. Фараонцев заснул в одиннадцать. Мастерков же читал свою книгу примерно до четырех утра.

Ничего необычного он ночью не слышал. У Ракчеева он работал полгода. До этого работал у одного богатого промышленника, которого потом посадили. В десятом часу утра его разбудили крики, и он узнал, что Ракчеева этой ночью убили. Потом всех пассажиров вагона попросили пройти в ресторан, где они находились весь день. Расследование убий-

ства вел некий «Пуаро», который и рассказал всем, кто и каким образом убил его работодателя. Его показания полностью совпадали в этом с показаниями предыдущих свидетелей.

Из протокола допроса свидетеля Хаммер М.Л.

Марине Леонидовне Хаммер было 55 лет. Недавно она вышла на пенсию. До этого работала врачом в медицинской клинике. Она ехала в Красноярск на Новый год к своей дочери, зятю и внучке. Ничего, что могло бы быть полезным для следствия, она не сообщила. В ночь с 29 на 30 декабря она крепко спала и узнала о смерти незнакомого ей пассажира утром. Она дала показания о том, что было затем, которые полностью согласовывались с показаниями предыдущих свидетелей. О похищении и убийстве малолетней Дианы Радюшкиной и последующем самоубийстве ее няни она слышала в новостях. Но никакого отношения к этой семье не имела.

Из протокола допроса свидетеля Олимп А.И.

Аграфене Ильиничне Олимп было 50 лет. Она работала в благотворительном фонде в Москве. По профессии она была медсестрой. Поздно вечером 29 декабря она, идя по коридору вагона, случайно открыла дверь в купе Ракчевых. Жена хозяина попросила ее закрыть дверь, а Ракчев при этом захохотал, обозвав «овцой». Потом она зашла в свое купе и попросила у своей соседки, Марины Хаммер, таблетку аспирина. Выпив, она легла спать. Это было без пяти одиннадцать.

Когда она засыпала, поезд остановился на какой-то станции. Они обе со своей соседкой по купе никуда не выходили до самого утра. У нее чуткий сон и, если бы ее соседка выходила, она бы обязательно услышала. Аграфена ехала к сестре в Красноярск, чтобы вместе с ней встретить Новый год. Дала адрес сестры. Она была не в курсе дела о похищении и убийстве девочки. Утром 30 декабря она проснулась от криков, узнав от соседки, что убили мужчину с неприятным лицом, которого они накануне видели с его женой в ресторане, когда ужинали. Она поняла, что это был тот, кто ее обозвал. Потом, умывшись, она вместе с другими пассажирами их вагона по просьбе проводника ушла в вагон-ресторан, где пробыла до вечера, пока поезд не отправился в дальнейший путь. Об убийстве им рассказал ехавший с ними в одном вагоне частный сыщик по кличке «Пуаро». В этом ее показания были аналогичны тем, которые давали иные свидетели.

Из протокола допроса свидетеля Шапокляевой А.И.

Алла Иннокентьевна Шапокляева, 75 лет. Ехала в Красноярск к подруге на Новый год. С ней в одном купе ехала ее горничная, Богдана Шмитюк. Вечером 29 декабря примерно до одиннадцати часов она читала, потом не могла заснуть, мучил хронический ревматизм. Примерно без пятнадцати час ночи горничная сделала ей массаж, и она заснула. Поезд уже стоял. Ночью крепко спала и ничего не слышала. Богдана Шмитюк работала у нее год.

Про трагедию с похищением и убийством малолетней Дианы женщина знала, поскольку была другом семьи Радюшкиных, крестной матерью мамы умершей Елизаветы Радюшкиной и дружила с прабабушкой Дианы. Та живет в Подмосковье, но сильно болеет.

О том, что Ракчеев обвинялся в убийстве внучки ее крестной дочери, она узнала только от «Пуаро». Ее показания о том, что случилось на следующий день, в целом соответствовали показаниям других свидетелей.

Из протоколов допроса супругов Андронниковых

Родиону Алексеевичу Андронникову было 27 лет. Он являлся топ-менеджером крупной российской компании, закончил Стэнфордский Университет в США. Его супруге – Алене Андронниковой, с которой они состояли в браке всего год, было 22 года, и она училась на пятом курсе Московского государственного Университета, на факультете журналистики. Вечером 29 декабря после ужина в вагоне-ресторане они с женой играли в своем купе в карты. Легли спать около двадцати трех часов. Ничего подозрительного они ночью не слышали, потому что спали очень крепко. Когда поезд остановился, попав в снежный занос, они не знали. На ночь Алена, как всегда, выпила снотворного. Несмотря на молодость, девушка страдала бессонницей. Утром они узнали об убийстве пассажира их вагона, с которым они не общались и не были знакомы. Далее следовали рассказы свидетелей о том, что им поведал «Пуаро», сообщивший о причастности

к убийству Ракчеева постороннего, проникшего в вагон на одной из станций во время стоянки их поезда. О похищении и убийстве девочки они ничего не слышали.

Из протокола допроса свидетеля Жаркова Ю.Н.

Сорокадевятилетний армейский полковник Юрий Николаевич Жарков ехал в отпуск из Севастополя, где служил в береговых войсках Черноморского флота, транзитом через Москву в Красноярск. В Москве он провел два дня, встречаясь с друзьями. Жил в небольшой частной гостинице.

В час пятнадцать в ночь на 30 декабря он беседовал со Смакуевым. Познакомились они в поезде. До этого друг друга не знали. На последней остановке перед тем, как поезд застрял в заносе, «Заводоуковской», они со Смакуевым вышли буквально на минуту на перрон. Мел снег и было очень холодно. Поэтому они практически сразу вернулись в теплый вагон. В час сорок пять он ушел спать. В это время проводник стоял в коридоре. Потом проводника в свое купе позвал Смакуев.

Личное знакомство с генералом Радюшкиным Жарков отрицал, хотя помнил, что читал в газетах о гибели семьи этого генерала и похищении перед этим его малолетней дочери.

Ему показалось странным, что парень из первого купе от вагона ресторана, того, что соседствовало с его купе, выглянул в коридор и закрыл дверь.

Описание этим свидетелем того, что было утром, полностью соответствовало тому, что показали другие пассажиры

этого вагона.

Из протокола допроса свидетеля Харчевского С.Ю.

Харчевский Сергей Юрьевич, 41 год. Работал менеджером по продажам в крупной компании, торгующей промышленными аккумуляторами. Ехал в Красноярск по делам. Его расходы за поездку в вагоне «СВ» оплачивала компания, на которую он трудился.

Харчевский ехал в первом купе от вагона-ресторана. Убитого Ракчеева он не знал, так же, как не знал и о том, что Ракчеев обвинялся в убийстве и похищении девочки и был оправдан.

Ночью он ничего подозрительного не слышал, спал. Утром узнал об убийстве, а вечером свою версию того, кто именно и каким образом его совершил, им озвучил другой пассажир их вагона, частный детектив по прозвищу «Пуаро».

Свидетель полностью подтвердил показания, данные проводником, Петром Мишельским.

Из протокола допроса свидетеля Фараонцева А.В.

Антипу Владиславовичу Фараонцеву было 40 лет. Он был представителем официального дилера автомобильной компании «Тойота» и ехал в Красноярск, чтобы встретить Новый год со своими друзьями детства, поскольку родом был именно оттуда. Личное знакомство с Ракчевым или его женой он отрицал. Читал в Интернете о том деле с похищением и убийством девочки, но ничего конкретного об этом случае

не знал.

Вечером 29 декабря он допоздна сидел в вагоне-ресторане. Потом пришел в свое купе. Ни он, ни его сосед никуда не выходили. Ничего подозрительного не видел и не слышал. О том, что было следующим днем, Фараонцев дал показания, аналогичные показаниям других свидетелей.

Из протокола допроса свидетеля Шмитюк Б.Б.

Богдане Богдановне Шмитюк было 35 лет. Она прислуживала своей богатой хозяйке, Шапокляевой. Была в ее доме домработницей и за отдельную плату сопровождала свою патронессу в этой поездке.

В ночь с 29 на 30 декабря она по просьбе Шапокляевой делала ей массаж. Потом почитала ей вслух ее любимую книгу. Ночью Шмитюк выходила из купе в туалет и видела, как проводник выходил из какого-то купе. Его позвали, но тот не отреагировал. Это был не их проводник, а другой. И она смогла бы его опознать. Она слышала о похищении и убийстве девочки, что называется, «краем уха». Конечно, она была возмущена подобным преступлением, но последнее время таких случаев стало слишком много.

Согласно протоколам опознания всех мужчин-проводников поезда и его начальника, из них она никого не опознала. Ночью она видела невысокого темноволосого. Когда тот, проходя мимо, ее задел и извинился, она запомнила его высокий, как у женщины, голос.

Из протокола допроса свидетеля Ракчеевой Л.В.

Ракчеева Людмила Викторовна, 46 лет. Ее мужу, Тимофею было 48. У них было двое сыновей. Одному 21 год, другому – 14. С Тимофеем они сначала жили в гражданском браке, а с 1996 года состояли в официальном. Ее муж являлся богатым бизнесменом, имел интересы во многих сферах бизнеса. Тимофей имел три судимости. Сначала за грабеж, потом за вымогательство, а третий раз за похищение человека, вымогательство и убийство. В общей сложности ее муж отсидел более 17 лет.

В сентябре 2013 года Ракчеева снова арестовали и поместили в следственный изолятор по обвинению в похищении и убийстве девочки – восьмилетней Дианы Радюшкиной. Однако в июле 2014 года муж был оправдан коллегией присяжных заседателей Московского городского суда.

В октябре 2014 года этот оправдательный приговор был утвержден вышестоящей судебной инстанцией и вступил в законную силу.

В конце ноября 2014 года она предложила мужу поехать на Новый год в Красноярск, откуда они оба были родом. У нее там жили родители. Родители мужа умерли. Он согласился, сказав, что заодно решит там кое-какие свои деловые вопросы. Они купили билеты на поезд. Взяли вагон «СВ». Старший сын находился в Лондоне, где учился в Оксворде. Младший 26 декабря отправился в подмосковный лагерь для особо одаренных детей для подготовки к международ-

ной Олимпиаде по математике.

В поездке их с мужем сопровождали помощник мужа Антон Смакуев, с которым они вместе сидели в последний раз. А также Афанасий Мастерков, мажордом, работавший у них полгода (после того, как мужа освободили из-под стражи). Оба ехали в том же вагоне.

Вечером 29 декабря, после ужина, они с мужем пришли из вагона-ресторана и стали смотреть телевизор. Перед сном в их купе приходили Смакуев и Мастерков. Смакуев должен был созвониться с Красноярском и узнать, будут ли их встречать, а Афанасий дал мужу по его просьбе снотворного.

Постели были застелены проводником, и они легли спать. Перед сном ее муж, как обычно, положил свой пистолет под подушку. Марки пистолета и то, на каком основании оружие было при Тимофее, она не знала. Это было после одиннадцати. Ночью она проснулась оттого, что сильно захотела в туалет. Она вышла из купе и по коридору прошла в ближайший, который находился в конце вагона.

Когда она вошла, ее кто-то закрыл в туалете ключом снаружи. Она стала пытаться открыть, но тщетно. Мобильного телефона у нее с собой не было, он остался в купе. Посидев еще несколько минут, она стала стучать в дверь. Кричать она не хотела, потому что боялась всех разбудить и попасть в неловкую ситуацию. Прошло минут пятнадцать. Она уже собиралась звать на помощь, но вдруг ее открыли. Шагов она не слышала. Людмила сильно испугалась. Еще через

несколько минут она вышла. В коридоре вагона никого не было. Она быстро прошла в свое купе и закрылась изнутри. Она бы устроила скандал, но ее муж отличался недобрым характером. К тому же он принял снотворное. Пожаловаться ему она решила утром. Она проснулась примерно в девять часов. И оцепенела от ужаса. Муж был убит. Она сразу стала звать на помощь и побежала к проводнику.

Позднее, при осмотре их купе в ее сумке был обнаружен окровавленный нож. Как он там оказался, она пояснить не смогла. Видимо, когда она отсутствовала в туалете, его подложил ей неизвестный убийца. Кроме того, при осмотре купе была найдена пуговица от мундира проводника.

Остальные ее показания ничем не отличались от показаний других свидетелей.

Из протокола допроса свидетеля Дебельской А.А.

Дебельская Арина Александровна, 26 лет. Отправлялась в Красноярск, чтобы отпраздновать Новый год с семьей своего молодого человека, с которым она познакомилась в Москве. Ее избранник приехал в родной город за неделю до нее. Ракчеева она впервые увидела в поезде. О том, кем был Ракчев, она услышала от Хаммер, с которой они вместе сидели за одним столом в вагоне-ресторане. О похищении и убийстве восьмилетней Дианы Радюшкиной она не слышала. Об убийстве пассажира узнала, как и все, утром. Другие ее показания для следствия ценности не представляли.

Из протокола допроса свидетеля Джафарова А.А. («Пуаро»)

Джафаров Ариф Акифович, 55 лет, частный детектив. В Красноярск ехал по приглашению бывшего клиента. У его друга убили родного брата. Дело об убийстве вел местный следственный отдел Следственного комитета. Заодно Джафаров, который получил кличку «Пуаро» за десятки раскрытых убийств, совершенных в условиях неочевидности, хотел отпраздновать Новый год в кругу пригласивших его друзей.

Билеты в купе спального вагона он приобрел за два дня до отправления поезда. Узнал, что осталось два места в одном купе, и решил приобрести оба, чтобы ехать одному. Еще по пути к своему вагону, на перроне, когда объявили посадку, он встретился со своим бывшим клиентом, Артемием Мелешкиным. Тот был большим начальником в системе железных дорог. Как оказалось, Мелешкин тоже ехал в Красноярск, и даже в одном с ним вагоне. «Пуаро» занял свое купе № 7, соседствовавшее с тем, которое занимали супруги Ракчеевы.

29 декабря, вечером, возвращаясь в свое купе из вагона-ресторана, он прошел мимо разговаривавших в коридоре Смакуева и Жаркова. Подходя к своему купе, он видел, как дверь в купе Ракчеевых открылась, и оттуда вышел Мастерков, направившийся к себе.

Он заснул около двадцати трех часов. Проснулся как буд-

то от толчка. Его разбудил громкий стон, почти крик, донесшийся из купе, которое занимали Ракчевы. Поезд в это время стоял. Он приоткрыл дверь своего купе и в этот момент к купе Ракчевых подошел проводник и постучал в дверь. Сначала один раз, потом второй. Оттуда раздался мужской голос, сказавший, что все нормально. После этого проводник по коридору направился к себе. Джафаров снова лег спать.

Утром он проснулся около девяти часов и пошел умываться в туалет, расположенный в конце вагона. Когда он брился, то услышал, как в вагоне кто-то кричал. Побрившись и выйдя из туалета, он увидел около купе Ракчевых нескольких человек. Положив умывальные принадлежности, он вышел в коридор и узнал от находившегося там проводника, что в купе номер шесть этой ночью был убит его постоялец, Тимофей Ракчев. Его заплаканная жена, Людмила Ракчева тоже вышла из купе, в котором остались начальник поезда, Мелешкин и Лихоимцев. Последний был врачом и по просьбе начальника состава и Мелешкина осматривал труп.

Увидев подошедшего «Пуаро», Артемий попросил его заняться расследованием этого случая, поскольку сопровождавший поезд наряд полиции вышел на станции «Тюмень», а их сменщики должны были заменить коллег только в Омске. Он, как сыщик, не смог отказать в этой просьбе своему другу и клиенту, который по должности в этом составе был самым главным. К тому же начальник поезда также был не против.

В течение дня 30-го декабря, пока их поезд стоял в снеж-

ном заносе, он опросил всех свидетелей. Также в процессе расследования ими были обнаружены орудие убийства – нож со следами бурого вещества, напоминавшего кровь, и пуговица от форменного кителя проводника. Кроме того, начальник поезда и все проводники-мужчины были предъявлены свидетелю Шмитюк для опознания, поскольку та якобы видела ночью проводника невысокого роста с голосом, похожим на женский, который, скорее всего и потерял эту пуговицу. Но Шмитюк никого из них не опознала.

Проанализировав все собранные им материалы и доказательства, он, «Пуаро», собрал всех пассажиров спального вагона в вагоне-ресторане, и рассказал людям, к какому выводу он пришел.

По его мнению, убийцей мог быть только посторонний, одетый в форму проводника, чей голос был очень похожим на женский. Этот человек вошел в их вагон на станции «Тюмень» или, что также не исключено, на «Заводоуковской». Помимо формы проводника поезда, одетой на убийце поверх его собственной одежды, у этого человека был с собой ключ-вездеход, который обычно имеют все проводники. Дождавшись, пока Людмила Ракчеева выйдет в туалет, он проследовал за ней и закрыл ее там своим ключом снаружи. После этого он вошел в оставленное незакрытым Людмилой купе, где спал принявший накануне снотворное ее муж, и нанес своей жертве тринадцать ножевых ранений. Убив Ракчеева, преступник сунул свой окровавленный нож в сумочку Рак-

чеевой, а также, не увидев этого, потерял пуговицу со своей форменной куртки. Потом он открыл дверь туалета, в котором находилась Ракчеева, и вышел на станции «Заводоуковская», при условии, что заходил в вагон в Тюмени. Или же, что тоже не исключено, если он зашел на «Заводоуковской», то вышел когда поезд попал в снежный занос. Ведь не стоит забывать, что у него был ключ-вездеход. Он, «Пуаро», предположил, что когда он сам проснулся от какого-то сдавленного крика или толчка, именно в этот момент и совершалось убийство его соседа. А подошедший узнать, в чем дело проводник их вагона, разговаривал не с кем иным, как с убийцей.

После своего рассказа он попросил свидетельницу Шмитюк, которая сообщила ему, что когда-то неплохо рисовала, нарисовать возможного убийцу, что она и сделала. Этот рисунок был приобщен к делу.

Из протокола допроса свидетеля Мелешкина А.А.

Мелешкин Артемий Анатольевич, 51 год, начальник департамента РЖД. В Красноярск ехал повидаться с заболевшей сестрой и отпраздновать с ней и ее семьей Новый год. Билет он купил еще в конце ноября.

Перед посадкой на поезд на перроне он повстречал своего знакомого частного детектива Джафарова, по кличке «Пуаро», который также ехал в Красноярск в одном с ним вагоне. Он, Мелешкин, занял купе № 9, которое было последним в их вагоне, рядом с туалетом. Будучи в системе железных до-

рог большим начальником, он, конечно, мог бы «пробить» себе и более почетное и удобное место, но не стал этого делать. По соседству с ним ехал Константин Лихоимцев, врач московской клиники, который в молодости некоторое время работал врачом-патологоанатомом. Это вскрылось позднее, когда Лихоимцев осматривал труп убитого. Ракчеев ехал с женой в шестом купе, а «Пуаро» в седьмом.

Ни вечером 29-го декабря, ни ночью, он ничего подозрительного не видел и не слышал. Ночью он крепко спал.

30-го декабря, утром, когда он проснулся, то услышал истошный женский крик. Это кричала Людмила Ракчеева, звавшая на помощь. Он и Лихоимцев немедленно отправились туда и увидели лежавший на спине труп ее мужа. Осмотрев его, врач насчитал тринадцать ножевых ранений, от которых наступила смерть. Он, Мелешкин, приказал проводнику позвать начальника поезда и разыскать Джафарова. Впрочем, тот уже подошел сам. Начальник поезда доложил, что в поезде полиции нет. Один наряд вышел в Тюмени, а их сменщики должны были сопровождать состав от Омска. Тогда он, как старший, с согласия начальника поезда, принял решение попросить Джафарова провести расследование этого преступления. Чтобы до того, как поезд освободится из снежной ловушки и до того, как расследование начнут следователи Следственного комитета, обнаружить вещественные доказательства и по горячим следам допросить свидетелей. А, возможно, учитывая феноменальные способности «Пуа-

ро», раскрывавшего самые запутанные убийства, и раскрыть убийство Ракчеева, назвав имя преступника и изобличив его при помощи добытых доказательств и безупречной логики.

«Пуаро» согласился. Он и Лихоимцев попросили всех выйти в коридор и осмотрели место происшествия и труп. Они также нашли в сумочке Ракчеевой окровавленный нож, а на полу купе пуговицу от форменного кителя проводника. Однако проводник их вагона, Мишельский, заявил, что у него все пуговицы на месте. Он, Мелешкин, дал команду начальнику поезда проверить всю форму проводников поезда. Но никто из них пуговиц не терял.

Потом, в течение дня, он и Лихоимцев вместе с «Пуаро» находились в вагоне-ресторане, где он распорядился организовать своеобразный штаб по расследованию убийства Ракчеева. Присутствовали при допросе Джафаровым свидетелей. Ближе к вечеру, когда свидетель Шмитюк заявила Джафарову, что она видела потенциального убийцу, который был невысокого роста, одет в форму проводника и обладал похожим на женский голос, он дал команду по одному представить ей для опознания всех проводников-мужчин состава. Но она никого из них не опознала.

Из протокола допроса свидетеля Лихоимцева К.Р.

Лихоимцев Константин Романович, 47 лет, врач. В Красноярск ехал к родственникам на Новый год. Билет на поезд купил в начале декабря.

В целом этот свидетель дал показания, аналогичные Ме-

лешкину и «Пуаро». Он также накануне убийства и в ночь с 29-го на 30-е декабря ничего подозрительного не видел и не слышал.

Утром 30 декабря, после обнаружения трупа, он осмотрел его вместе с сыщиком по кличке «Пуаро». Убитый лежал на своей койке, на спине, головой к окну. В ходе осмотра трупа он насчитал на его груди и животе 13 колотых и колото-резанных ран. Четыре из них образовались в результате нанесения ножевых ударов большой силы. Но, по его мнению, только две из этих ран могли явиться причиной смерти. Остальные удары наносились с меньшей силой. А две или три раны были совсем неглубоки. Он, Лихоимцев, поделился с Джафаровым своими выводами. О том, что некоторые обстоятельства свидетельствовали о нанесении большинства ран, когда Ракчеев уже был мертв. Причем уже какое-то время. Также механизм нанесения одного-двух ударов свидетельствовал о том, что убийца мог быть левшой. Хотя, с другой стороны, механизм нанесения большинства ударов напротив свидетельствовал о том, что преступник правша. Вполне возможно, что убийц было двое. Более того, ими могли быть как мужчины, так и женщины.

Джафаров произвел в купе погибшего обыск и в его портфеле среди прочих бумаг обнаружил оправдательный приговор Московского городского суда. В соответствии с этим документом погибший Ракчеев был оправдан по обвинению в похищении восьмилетней Дианы Радюшкиной и убийстве

этого малолетнего ребенка. Кроме того, в одном из карманов брюк убитого «Пуаро» обнаружил клочок бумаги со сделанной на нем синей шариковой ручкой записью: «Будь ты проклят, выродок! Это тебе за маленькую Д.Р.»...

Когда Серафим читал все эти показания, его не покидало какое-то подспудное чувство, что свидетели знали какую-то тайну, в которую следствие решили не посвящать. Они что сговорились? Все? Но как такое возможно, и о чем именно?

И еще. Он не нашел в показаниях Джафарова и Мелешкина никаких упоминаний ни об обнаруженном приговоре, ни о записке. Это было странно. То, что об этом говорил только врач. Мирутин быстро пролистал том дела, взял другой. Но только в третьем, в протоколе дополнительного допроса свидетеля Джафарова нашел такие показания. Интересно, почему этот сыщик не дал их сразу, при первом допросе?

Сделав закладку в том месте, где он закончил читать, Серафим взглянул на часы. Был час ночи. Делая пометки, он исписал три листа. Сыщик выключил надрывно гудящий кондиционер, подошел к окну и распахнул его. Жара чуть спала, хотя и не намного. Стрекотали сверчки, где-то вдали продолжали носиться автомобили. Жизнь текла своим чередом. Москва, город, который никогда не спит. А он сам?

Из протокола осмотра ножа и заключения экспер-

ТИЗЫ

Нож стальной обоюдоострый с длиной клинка 18 сантиметров и шириной 2 сантиметра, плексигласовой рукояткой зеленого цвета обнаружен в кожаной дамской сумочке, принадлежавшей Людмиле Ракчеевой. На лезвии и рукоятке имеются потеки бурого вещества, которое в соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы, является кровью человека, принадлежавшей Ракчееву. На ноже каких-либо отпечатков пальцев или их фрагментов, иных потожировых следов не обнаружено. Данный нож является холодным оружием.

Из протокола осмотра пистолета и заключения экспертизы

Автоматический пистолет «Beretta 92S», обнаружен на месте происшествия – под подушкой, на которой, в момент осмотра, находилась голова трупа Ракчеева. Страна выпуска – Италия. Год выпуска – 1991. Калибр – 9 мм. Общая длина – 219 мм. Длина ствола – 125 мм. Масса – 980 грамм. В магазине находятся 15 патронов. По заключению баллистической экспертизы данный пистолет не имел отношения к совершенным ранее убийствам и не применялся в вооруженных конфликтах.

Из протокола осмотра форменной пуговицы проводника и иных материалов дела

Латунная золотистая пуговица диаметром два сантиметра

с изображением герба РЖД. На объекте исследования отпечатков пальцев или их фрагментов, иных потожировых следов не обнаружено.

Принятыми следствием мерами установлено, что пуговица изготовлена на заводе в Уфе в мае 2007 года. Партия таких пуговиц направлялась в Иваново, где шьется форма проводников пассажирских поездов. В указанный период времени партия формы, на которую могла быть шита эта пуговица, отправлялась в Москву для проводников Октябрьской железной дороги. Другой информации получить не представилось возможным.

Из распечаток соединений абонентов, являвшихся пассажирами спального вагона поезда Москва-Красноярск

Ни одного соединения с сим-карт мобильных телефонов пассажиров, в том числе Ракчеева, в период с 28-го и 31-ое декабря 2014 года, с неустановленными следствием лицами не зафиксировано. Все абоненты, разговаривавшие по телефону со свидетелями в этот период времени, идентифицированы и допрошены. Это были родственники и друзья пассажиров.

Мирутин анализирует полученную информацию

Как ни странно, но следствие во главе с новым помощником Серафима, Коноваловым, изначально согласилось с этой не выдерживающей никакой критики версией о причастности к убийству Ракчеева неизвестного в форме про-

водника. И надо сказать, не было сильно озабочено поимкой преступника. Оперативники транспортной полиции написали рапорты о том, что ими были проведены оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление личности и местонахождения потенциального преступника, фоторобот которого они получили от Богданы Шмитюк. Были опрошены таксисты на станциях «Тюмень» и «Заводоуковская», сделано еще кое-что, но все для галочки, для отвода глаз. По-настоящему убийцу никто не искал. Во-первых, люди считали, что этот рецидивист Ракчеев, который на самом деле убил девочку, купил суд, а с его убийством справедливость восторжествовала. Во-вторых, других версий о том, кто действительно мог его убить, просто не было. Несмотря на то, что доклады следователя неоднократно заслушивались на совещаниях и коллегиях, как следственного комитета, так и надзирающей за следствием прокуратуры. Показания всех свидетелей о том, откуда, куда, к кому и с какой целью они ехали, были проверены. Все подтвердилось.

Но Серафим не верил, что свидетели говорят правду. Он был наслышан об известном частном детективе Джафарове. Этот господин имел российское гражданство, и сыщик подозревал, что оно было у него не единственным. О «Пуаро» ходили легенды. Говорили, что не было ни одного самого запутанного убийства, взявшись за которое, он не нашел бы истинного убийцу. А дел у него было многие десятки. Серафим нашел о нем даже статью в Википедии. Там была представ-

лена его биография. Если верить этому источнику, Джафаров ранее работал в КГБ СССР, выполнял правительственные задания в различных странах мира, имел государственные награды. И не только СССР и Азербайджанской ССР, но и других стран. Потом работал в специальном комитете ООН, аналитиком. Последние 20 лет он являлся частным сыщиком и одним из лучших экспертов по вопросам преступности. Объездил полмира, владел пятью языками, а также несколькими видами единоборств. Причем на весьма солидном уровне. А по контактному каратэ «Кекусинкай» имел даже черный пояс, второй дан.

И вот такой профессионал высочайшего класса с колоссальным опытом работы пришел к выводу о причастности к убийству Ракчеева постороннего? Маленького роста мужчины в форме проводника с почти женским голосом?

Это было похоже на насмешку и открытый вызов Следственному комитету России. И ему, Серафиму Мирутину, в частности.

Сыщика уже тянуло в сон, и он не мог глубоко и тщательно анализировать всю полученную им информацию. Но только из того, что он сумел прочесть, проглядывали вопиющие несоответствия. Того, что той предновогодней ночью могло произойти в действительности, тому, в чем убедили транспортное следствие Джафаров и свидетели.

Начнем с того, что ни на станции «Тюмень», ни на станции «Заводоуковская», посторонний, даже в форме провод-

ника, не смог бы попасть в вагон незамеченным. Далее, если Шмитюк были предъявлены для опознания все мужчины-проводники, то кем тогда был этот неизвестный? Проводником другого поезда? Но каким образом он покинул свое рабочее место и пересел в чужой состав?

Как, даже оказавшись в спальном вагоне поезда «Москва-Красноярск», этот человек мог узнать, что Людмила Ракчеева вообще выйдет этой ночью в туалет? А, если выйдет, то именно в то время, когда поезд шел между станциями «Тюмень» и «Заводоуковская» или между «Заводоуковской» и местом заноса? Если преступник вышел из поезда, когда состав встрял в снежную пробку, то каким образом он, не имея теплой одежды, в тридцатиградусный мороз, оказавшись в абсолютно пустом на десятки километров пространстве, глубокой ночью, без шапки, смог скрыться? Да еще и не застрять в навалившем по пояс снегу. Это были только те вопросы, которые, что называется, «лежали на поверхности». Неужели Коновалов этого не понимал? А то, что найденная на месте убийства пуговица от формы проводника и показания одной лишь Шмитюк еще не свидетельствуют о некоем маленьком мужчине в форме проводника с женским голосом, тоже не понимал?

Серафим, прикрыл окно, выключил свет и прилег на диван. Нужно было поспать. Последняя мысль, которая пришла в его голову перед тем, как он крепко заснул, была: «Вполне возможно, что этот хваленый «Пуаро» – враг. По-

тому что настоящий сыщик не стал бы выгораживать убийцу или убийц и вводить следствие в заблуждение. Ни при каких обстоятельствах».

Глава 3

4 августа 2015 года, вторник.

В половине десятого они втроем устроились за столом в кабинете Серафима. Сам Мирутин, Коновалов, и член их следственной группы, оперативник Андрей Геннадьевич Самохвалов. С последним Серафим был знаком полтора года, они вместе расследовали несколько сложных резонансных уголовных дел и сыщик высоко ценил профессиональную хватку и большую работоспособность этого подполковника. Самохвалов занимал должность старшего оперуполномоченного главного управления уголовного розыска МВД России. Андрей был высокого роста, худым и жилистым мужчиной с короткой прической, сорока лет от роду, с ничем не примечательной внешностью обычного обывателя, и живыми глазами энтузиаста своего дела. Одет он был в серую рубашку с коротким рукавом и синие джинсы.

Мирутин и Коновалов были одеты, как и накануне, в форменных рубашках с коротким рукавом и брюках. Только на фоне помятого и не выспавшегося Серафима, Артем выглядел свежо, бодро и почти нарядно.

Руководитель бригады сидел на своем месте, в кресле за компьютерным монитором, а ее члены за приставным столи-

ком напротив друг друга.

Познакомив мужчин, Мирутин поделился с ними новостями.

– Значится так. Помимо нас троих в нашу бригаду будут входить еще четыре человека. Два следователя нашего управления: полковник Антипов и подполковник Широков, и два оперативника. Оба с МУРа, подполковники Кочемасов и Кириленко. Но их сегодня не будет. Они завершают свои дела и начнут с работу по этому делу только завтра. – Серафим потер покрасневшие глаза.

Следующие полчаса они с Коноваловым вводили Самохвалова в курс дела, коротко пересказав ему содержание показаний свидетелей, а также протоколов иных следственных действий.

– С делом можешь знакомиться в любое время, – глянув на Андрея, – сказал Серафим. – Вот оно, – он показал на четыре тома, отодвинутые им к краю стола, чтобы не мешали писать.

– Артем, – перевел Мирутин взгляд на «важняка» транспортного управления. – Что известно о заявительнице? Той, которая обратилась по прямой линии к Президенту. И где ее заявление? Я его в материалах дела не нашел.

– Кто она, я не знаю. Заявление было непосредственно у Медленцова, а где оно сейчас, неизвестно. Наверное, еще не успели передать из центрального аппарата Следственного комитета.

– Займись, пожалуйста, этим прямо сегодня. Нам нужно знать, кто этот человек и что ее подвигло обратиться к первому лицу. Возможно, ей известны какие-то обстоятельства, о которых неизвестно нам. В общем, не мне тебя учить.

– Хорошо, – кивнул полковник.

– Андрей, тебя я попрошу выяснить, где сейчас находятся и чем занимаются жена убитого, Людмила Ракчеева, его помощник, Смакуев, и порученец Мастерков. А сам я займусь тем, что попробую переговорить с этим современным Шерлоком Холмсом, Джафаровым. Если честно, я не верю в то, что Ракчеева убил посторонний. Это бред. И эту версию старательно поддерживает этот деятель. Интересно знать, почему.

И еще, – Серафим снова посмотрел на Самохвалова. – Андрей, свяжись, пожалуйста, с исправительной колонией № 3 в Красноярском крае, там сидели Ракчеев и Смакуев, а начальником колонии был тогда еще полковник Радюшкин. Нужно разузнать об их отношениях. Ракчеев был там «смотрящим», у него действительно мог быть мотив отомстить «хозяину» таким образом. Если это Тимофей похитил и убил Диану, то ему могли отомстить. Тем более, что в кармане брюк убитого была обнаружена записка.

– Артем, – посмотрел на своего старшего по возрасту коллегу Мирутин, – а почему у свидетелей не были получены образцы почерка, и не была проведена почерковедческая экспертиза?

– Ну, это ведь под самый Новый год было, – замялся Коновалов. – А потом они разъехались все...

– Понятно. Скажи честно, ты сам веришь в то, что Ракчеева убил посторонний проводник невысокого роста с женским голосом?

– Если честно, то нет, – виновато глянув на новоиспеченного начальника, ответил Коновалов.

– Тогда почему ты не вызвал всех этих пассажиров, ехавших с Ракчеевыми в одном вагоне, и не отобрал их образцы почерка? Почему не провел экспертизу? Это же реальная зацепка.

– Кто ж знал-то, что какая-то заявительница обратится напрямую к Путину? – виновато опустил он голову. – И самое главное, что Президент лично заинтересуется этим делом?

– Артем, тогда еще вопрос, – не отставал Серафим. – Ты ведь считал, да и сейчас, видимо, считаешь, что некто, убив бандита Ракчеева, сделал воздух в округе чище? Не так ли?

– Так, – смотрел в глаза Мирутину Коновалов.

– А ты уверен, что девочку похитил и убил именно он?

– Уверен, – заерзал на своем места старший «важняк» транспортного управления. – А, если даже и не он, то без него, как ты выразился, воздух точно стал чище. Чем таких уродов меньше, тем спокойнее жить нормальным людям, – закончил он.

– Ладно, – примирительно глянул на него Мирутин. – Не будем об этом. Факт есть факт. Это убийство не раскрыто.

А ты дело по обвинению Ракчеева в похищении и убийстве Радюшкиной читал? В Мосгорсуде был?

– Нет, не читал, – снова опустил голову Коновалов. – А зачем? Ясно же, что вряд ли это сделал кто-то другой. Ты правильно сказал, Ракчеев и Радюшкин были вместе в одной колонии, значит, делили власть. Оба потом оказались в Москве. Радюшкин стал начальником Управления ФСИН по Московской области, Ракчеев, как выяснили мои опера, «положенцем». Оба были богаты, имели квартиры, машины, загородные дома. Вот и решил «Тимоха Рак», такая «погремуха» у Ракчеева была, потряхнуть стариной и заняться вымогательством у своего давнего недруга. А Радюшкин-то тоже не от праведных трудов все, что у него имелось, нажил. Наверняка зэкам в бытность свою начальником зоны условно-досрочные продавал. А когда генералом стал, тут уж по-настоящему развернулся. В их ведомстве вон все их высшее руководство сейчас под стражей сидит. По обвинению в мошенничестве. Браслеты закупали за копейки, а государству продавали в десять раз дороже...

– А вдруг не все так просто? – начал заводиться Мирутин. – Почему пассажир вагона Шапокляева дала показания, что она очень хорошо знала семью Радюшкиных? Случайность? Может, это она ночью зарезала спавшего Тимофея? Ведь некоторые раны на его теле были совсем неглубокими. Ответь, могла?

– Ну могла, теоретически, – стал оправдываться Артем.

– Теоретически? А почему ее не проверили? – почти перешел на крик Серафим. – Вдруг убийцами были ненавидевший своего босса Смакуев, и эта старуха? Вдруг Смакуев метил на его место, а Шапокляева мстила за дочку своих друзей? – Он понемногу стал успокаиваться. – Ладно, извини, – снова примирительно глянул он на обидевшегося товарища. – Будем в этом разбираться. Все, по коням. И на связи. – Серафим вынул из верхнего ящика стола свою визитку и передал ее Коновалову. – Завтра встречаемся здесь в это же самое время.

Когда Самохвалов и Коновалов ушли, Серафим взял первый том дела и стал искать протокол допроса свидетеля Джафарова. Хорошо, что согласно недавнему приказу руководителя Следственного комитета, при допросе человека, независимо от того, какое процессуальное положение он занимал в деле – свидетеля, потерпевшего, эксперта, подозреваемого или обвиняемого, в качестве приложения к протоколу его допроса обязательно приобщалась копия с документа, удостоверяющего личность. Поэтому у Мирутина имелась возможность не только лицезреть фотографии с паспортов всех допрошенных по делу лиц, но и иметь данные из этих документов. Найдя нужный протокол, сыщик вбил в свой мобильный телефон цифры номера мобильного телефона Джафарова, который был записан в специальной графе протоко-

ла, и позвонил ему. Когда тот ответил, сыщик представился:

– Ариф Акифович, добрый день. Вас беспокоит следователь по особо важным делам Следственного комитета, Мирутин Серафим Дмитриевич.

– Здравствуйте, я вас внимательно слушаю, – услышал он из динамика своего аппарата приятный мужественный голос легендарного частного сыщика.

– Вчера мне для дальнейшего расследования передали уголовное дело по факту убийства некоего Тимофея Семеновича Ракчеева, труп которого был обнаружен в купе спального вагона поезда «Москва-Красноярск». Припоминаете такое?

– Как не припомнить, – с легким кавказским акцентом ответил собеседник. – Конечно, помню, ведь я сам ехал в Красноярск в этом вагоне.

– Я хотел с вами пообщаться по этому делу. У меня возникли некоторые сомнения в том, что убийство Ракчеева совершил посторонний в форме проводника.

– Почему? – немного напрягся на том конце собеседник Мирутина.

– А вот при встрече с вами и расскажу, – заинтриговал его Серафим. – Так когда вы ко мне сможете подъехать? Как насчет сегодня?

– После небольшой паузы «Пуаро» ответил на вопрос следователя вопросом:

– Это будет дополнительный допрос или просто беседа?

– Ариф Акифович, вы же профессионал, должны понимать, что беседы проводят оперативники, а следователь допрашивает. Конечно, это будет дополнительный допрос по этому делу. Все как положено. Ну, так что насчет сегодняшнего дня?

– К сожалению именно сегодня я не могу, – нашелся частный детектив. – Дело в том, что я сейчас улетаю в Баку. У меня там срочное дело. Впрочем, давайте я перезвоню вам немного позже, через несколько минут. Не могу сейчас говорить, – скороговоркой проговорил Джафаров, отчего его акцент только усилился. После этих слов он сразу же отключился.

«Странно», – подумал Мирутин. – Он взял первый том и снова стал вчитываться в показания «Пуаро». Впрочем, уже через несколько минут его мобильный аппарат ожил, извещая хозяина о том, что ему перезванивает предыдущий абонент.

– Это Джафаров, – услышал он. – В три часа дня я вылетаю из Домодедово. Если хотите, подъезжайте в аэропорт. Перед вылетом побеседуем, если это срочно. А если нет, то я планирую вернуться 13-го августа. Тогда я прибуду к вам и дам официальные показания.

«Вот хитрец, – подумал сыщик, – наверняка, заказал билеты на самолет только что. Чтобы я не успел его допросить. Знает кошка, чье мясо съела. А за эти дни он придумает, как быть».

– Хорошо, я приеду к вам в аэропорт. Где именно там встретимся и когда?

– Давайте в половине второго в кафе «Три поросенка» на выходе с эскалатора на втором этаже, сектор «С».

Серафим посмотрел на часы. Было двадцать минут одиннадцатого. Времени было достаточно.

– Договорились, – сказал полковник, после чего отключил телефон и кондиционер, убрал дело в сейф, собрал со стола свои исписанные листы, положил их в портфель и покинул свой кабинет.

Начало августа – самый разгар отпусков. И поэтому у нескольких входов в здание аэропорта были большие очереди из желающих попасть на свой рейс людей. Через рамки металлодетекторов людей пропускали медленно, внимательно досматривая каждого. В памяти еще были свежи недавние теракты, в том числе в помещении этого самого аэропорта. Серафим пристроился в конец одной такой очереди. У него оставалось еще двадцать минут, а употреблять свое служебное положение, для того, чтобы пройти внутрь без очереди, сыщик не хотел. В очереди было много детей и женщин и ему показалось некрасивым лезть впереди них, даже спеша на встречу с таким уважаемым и известным экспертом по вопросам преступности, как «Пуаро». Очередь была разношерстная. Большинство – одетые, словно на пляж люди. В

майках, футболках и шортах. У некоторых женщин на голове легкие шляпки, у многих солнцезащитные очки, поднятые чуть не до самой макушки. Сумки, баулы на колесиках, чемоданы.

Серафим очень хотел оказаться на их месте через одиннадцать дней. Ведь со своей семьей он должен был вылетать в Сочи именно отсюда.

Наконец, пройдя досмотр, он на эскалаторе поднялся на второй этаж и прошел к кафе «Три поросенка». Войдя в него, он убедился, что стрелки его наручных часов показывали ровно половину второго. Джафаров уже ожидал его, заняв место за столиком в дальнем от входа углу. Он сидел к Серафиму лицом, и следователь его сразу узнал. Ведь он видел фотографию этого свидетеля.

Когда Мирутин подошел к столику, за которым сидел «Пуаро», он поздоровался, пожал ему руку и сел напротив.

Джафаров был высокого роста, даже чуть выше, чем сам Мирутин, широкоплечим, подтянутым мужчиной. На вид ему было не более пятидесяти лет, хотя Серафим знал, что ему было уже пятьдесят пять. Элегантный светлый костюм, дорогой и со вкусом подобранный галстук, очень хорошая обувь. От частного сыщика исходил стойкий аромат отличного, дорогого, хотя и слегка старомодного одеколona «Фаренгейт». Сам Мирутин предпочитал более легкий и элегантный «Кензо».

– А ведь я о вас слышал, – сказал Джафаров, оценивающе

глядя на Мирутина. – Вы – один из самых известных сыщиков Следственного комитета. Говорят, что за свою карьеру у вас не было ни одного нераскрытого дела. Это правда?

Серафим не был падок на лесть. Он подумал, что должно быть, после бессонной ночи выглядит не лучшим образом. Конечно, утром он сумел принять душ, почистить зубы и наскоро побриться в комнате дежурного следователя управления. Но не глаженую одежду не скроешь. Как и свой не совсем свежий вид с красными от недосыпа и аномальной жары глазами.

– Возможно, – неопределенно пожал он плечами. – Надеюсь, это новое дело, по поводу которого мы с вами встретились, не откроет счет моим поражениям. Я тоже наслышан о ваших достижениях. И, признаться, впечатлен послужным списком распутанных вами преступлений. Не сомневаюсь, что он намного превосходит мой собственный, – вернул он долг вежливости своему собеседнику.

– Не стоит об этом, – польщенный встречным комплиментом, проговорил «Пуаро». – Сам я пью зеленый чай, особенно в такую жару, – показал он на чашку, стоявшую возле него, в которой была налита полупрозрачная зеленоватая жидкость. От нее поднимался легкий пар. – А вам, если не возражаете, я взял двойной капучино. – Он снова опустил глаза на чашку, стоявшую ближе к его собеседнику. – Если не угадал, – добавил Джафаров, – то я выпью его сам, а вам закажу то, что вы предпочитаете.

– Спасибо, пожалуй, я соглашусь с вашим выбором, – улыбнувшись, несколько церемонно проговорил следователь, взяв предложенный кофе и сделав из чашки глоток. – Серафим поставил чашку на стол и внимательно посмотрел на своего визави.

– Ариф Акифович, мы с вами коллеги и надеюсь, находимся, так сказать, на одной стороне баррикад, – внимательно глядя на Джафарова, начал Мирутин, обдумывая, прежде, чем произнести, каждое слово. – Мы – сыщики. И сыщики грамотные и опытные. Однако, изучив этой ночью уголовное дело об убийстве Ракчеева, я пришел к выводу, что вы либо не до конца разобрались с этим делом. Ввиду ограниченного для этого времени или недостаточности информации. Или же еще каких-либо факторов. Либо, – он сделал многозначительную паузу, отметив, как вспыхнули глаза его собеседника, – в силу неведомых мне мотивов решили не делиться со следствием всей информацией, которой обладаете, – дипломатично закончил он.

– Что вы имеете в виду? – почти невозмутимо уточнил частный сыщик.

– Давайте начистоту, – начал заводиться Мирутин. – Вы гениальный аналитик, о котором, без преувеличения, слагают легенды. И в то же время вы выдвигаете версию, которую озвучиваете и пассажирам вашего вагона, и следователям, не выдерживающую никакой критики. Вы прекрасно знаете, что убийцей Ракчеева не мог быть посторонний в форме

проводника, пробравшийся в вагон под покровом ночи. Мне вам сказать почему?

– Не нужно, – поморщился «Пуаро». – Поскольку у нас с вами не официальный допрос, а всего лишь частная беседа, я просто из уважения к вам скажу, что вы находитесь на правильном пути. Убийца не был посторонним. Хотя я, в силу некоторых личных обстоятельств и убеждений, и пытался донести эту точку зрения или, если хотите, версию до ваших коллег.

– Вы до всего докопались сами, но не хотите делиться полученной информацией о настоящем преступнике с официальным следствием?

Джафаров ничего не ответил. Он допил свой чай и, посмотрев на наручные часы, поднялся:

– К сожалению, мне нужно идти на посадку. Всего доброго. – Он протянул для пожатия руку Серафиму, который продолжал сидеть.

Сыщик поднялся, принимая рукопожатие.

– Что ж, вижу, что нам придется самим распутывать этот клубок, – сказал Серафим на прощание. – И я обещаю вам, что приложу все силы, чтобы докопаться до истины. А вам хорошего отдыха и новых побед над преступностью, – напоследок язвительно произнес он. – Честь имею.

Едва Серафим переступил порог своего кабинета, как экран его телефона засветился, и зазвучала мелодия входя-

щего звонка, извещающая своего владельца о том, что его хотят слышать.

Коснувшись пальцем кнопки приема, Мирутин услышал голос Самохвалова:

– Начальник, принимай доклад, – полушутливо начал Андрей. – Первое. В колонии номер три, где отбывали срок Ракчеев и Смакуев, помимо Радюшкина, в то же самое время работала еще и его будущая жена, Елизавета. Тогда она еще носила свою девичью фамилию – Камакина. Она работала там медсестрой. В 2005 году она забеременела и вышла замуж, став Радюшкиной. В том же году у супругов родилась дочь, Диана. В 2007 году полковник Радюшкин был назначен на должность заместителя начальника УФСИН по Москве. В 2008-м он стал генерал-майором, а в 2010-м его назначили уже начальником УФСИН по Московской области. Второе. Смакуев сейчас проживает вместе с женой Ракчеева, Людмилой, в ее квартире. Брак у них официально не зарегистрирован, но знающие люди говорят, что все к тому идет. Мастерков недавно уволился и куда-то подался. Куда именно, пока не знаю, но буду выяснять.

– Это все? – уточнил у своего помощника сыщик.

– Пока да. А что, мало? – удивился тот.

– Не мало, совсем не мало. Особенно за столь короткое время. Я бы даже сказал много, – спохватился Серафим, не желая обидеть старавшегося изо всех сил оперативника. – Продолжай наращивать усилия. А я переговорил с «Пуаро».

– Ну и что там наш «Шерлок Холмс»? Что-нибудь полезное рассказал?

– В том-то и дело, что нет. Скользкий он тип, себе на уме. Но умный и очень хитрый. Я с ним встречался в аэропорту «Домодедово». Он улетел в Баку, сказал, что прилетит только тринадцатого. Немного его прижал. Но единственное, что он сказал, что, дескать, вы, ребята, на правильном пути, что ищите убийцу среди тех, кто был в спальном вагоне. Но фактуру предоставлять отказался.

– Понятно. Частные сыщики раскрывают самые запутанные преступления, потом про них пишут книги, слагают легенды, а ловят реальных злодеев опера да следаки. И никакой тебе славы и толп восторженных поклонниц.

– Будут тебе поклонницы, – хмыкнул в трубку Мирутин. – Ты только накопай побольше. А то, что ты уже добыл, очень интересно. Есть куда двигаться. В общем, работаем. Завтра жду в половине десятого, – напомнил собеседнику Серафим и отключился.

Следующим пунктом его плана расследования было ознакомление с материалами уголовного дела по факту похищения и убийства Дианы Радюшкиной. Но сегодня, учитывая, что на часах была половина четвертого, Серафим после почти бессонной ночи был измотан, а на улице стояла сумасшедшая жара, приступить к выполнению этого пункта он не мог.

Сыщик стал собираться домой. Нужно было еще позво-

нить жене, и, возможно, забрать из детского сада маленькую дочь.

Снова раздался звонок мобильного телефона. На этот раз звонил Коновалов.

– Серафим, я забрал из приемной председателя комитета заявление на имя Президента от некой Светланы Дутовой. Непосредственно с ней я переговорить пока еще не успел, но созвонился по телефону. Эта дама сообщила, что обращалась она по просьбе своей лучшей подруги, Дины Минаевой. Что-либо еще она сообщить отказалась, пока не увидит меня и не убедится, что я действительно следователь.

– Хорошо, – немного озадаченно ответил руководитель следственной группы. – Тогда встретиться с ней или вызови сюда обеих. Нужно вытрясти из них по максимуму, все, что им известно.

– Есть, – коротко ответил Артем и отключился.

«Пошла работа, – удовлетворенно подумал сыщик, – завтра нашего полку прибудет. Тогда развернемся в полную силу. Странно, что эта Минаева написала обращение не сама, а попросила подругу Чего она боится и кто она такая?»

Детский сад «Маленькая елочка», откуда он должен был забрать свою четырехлетнюю дочь, Любу, располагался всего в нескольких кварталах от его дома. Времени было половина шестого, но из-за почти сорокоградусной жары де-

ти находились в помещении сада, где, благодаря работающему кондиционеру, воздух имел температуру, близкую к нормальной комнатной.

Серафим зашел в здание, повернул налево и, пройдя по коридору с десятков метров, оказался в раздевалке. Мама мальчика из группы Любы, стройная блондинка с прической каре в белых шортах и такого же цвета футболке с продольными желтыми полосами переодевала сына для похода домой.

Мирутин вежливо поздоровался с женщиной и двинулся дальше, вдоль еще одного небольшого коридора и вышел в просторное помещение детской игровой комнаты. Внутри находилось несколько малышей, в том числе и его дочь, которая вместе с такой же девчушкой, сидя на ковре, что-то рисовала фломастерами в детском альбоме. Воспитательница, женщина лет тридцати, с длинными черными волосами, в цветастом голубом платье, сидя на стуле около окна, разговаривала по мобильному телефону, изредка покрикивая на троих пацанов, бегавших друг за другом по комнате.

– Мария Игнатьевна, добрый вечер, – поздоровался Мирутин с женщиной, которая увидев его, попросила невидимого собеседника перезвонить ей позже. – Как тут себя вела моя Любушка, не паясничала?

– Здравствуйте, Серафим Дмитриевич, – приветливо улыбнулась ему воспитательница, – нет, с утра только покапризничала немного. Но как же у нас без этого? По утрам

все детки не хотят к нам идти, а вот вечерами их обратно домой не дозовешься. – Люба, – обратилась она к Мирутиной, – твой папа пришел, собирайся домой.

Она как в воду глядела. Едва он подошел к дочери, как та заявила, что домой не пойдет.

– Люба, давай-ка собирайся, дома нас мама ждет и Гера, – имея в виду своего девятилетнего сына, попросил дочь сыщик. Но та поначалу вообще не реагировала на его просьбы, а потом стала плакать, утверждая, что ей и здесь очень даже неплохо и она намерена остаться в саду до завтра.

Наконец, совместными уговорами и увещеваниями они с Марией Игнатьевной подвигли Любу на то, чтобы встать, попрощаться с воспитательницей и подружкой, и в сопровождении отца отправиться в раздевалку.

Переодевая дочь, которая, сменив гнев на милость, безудержно тараторила о том, как они провели день, и спрашивала, почему папа не пришел вчера, Серафиму на ум неожиданно пришла аналогия между детским садом и всей нашей жизнью. Идя по воле Божьей в этот мир, маленький человечек, словно ребенок, идущий утром с папой в сад, упирается и всеми силами хочет остаться дома. Там, где ему хорошо и комфортно, там, где есть мама и папа. Где он сыт, обут, одет и находится в безопасности. Однако в конце своего жизненного пути, почувствовав, что называется, вкус к жизни, когда на пороге «детсада» под названием «земная жизнь» вдруг появляется его Отец, с любовью предлагающий собраться

домой, человек начинает всеми фибрами души противиться этому призыву, плача и канюча, словно малое, неразумное дитя. Хотя и понимает, что детский сад закрывается и то, что было, уже никогда больше не повторится.

Впервые за два дня поужинав в кругу семьи, пообщавшись с любимой женой, сыном Герасимом, рассказавшим ему, как они с соседскими пацанами ходили в парк, убедившись, что на него никто не обижается за вчерашнее отсутствие, Мирутин прошел в их с Мариной комнату. Она для него одновременно выполняла функции кабинета, поскольку помимо большой двуспальной кровати, в помещении присутствовал стол с компьютером. Но сегодня он уже работать не хотел. Нужно было отдохнуть и пообщаться с женой.

Примерно через час, когда дети были уложены, а жена, после тесного с ним супружеского общения отвернулась к стене и мирно засопела, Серафим поднялся и прошел в ванную комнату, чтобы принять холодный душ и освежиться.

Натирая тело мочалкой, и подставляя его под холодные упругие водяные струи, сыщик думал о предстоящем расследовании.

Было ясно как светлый день, что без соучастия жены погибшего Ракчеева, Людмилы, убийство ее мужа состояться не могло. Ведь их купе было заперто на ночь изнутри, и никто посторонний туда проникнуть не мог. Кроме того, показания этой свидетельницы о том, что кто-то закрыл ее в туалете, ничем больше не подтверждались. И, наконец, сегодня

он узнал, что Ракчеева и Смакуев проживают вместе. Сама собой напрашивалась версия о том, что Тимофей пал жертвой вовсе не мести призрачного постороннего убийцы за похищенную и убитую девочку, а сговора собственной жены с его более молодым и амбициозным помощником.

Людмила Ракчеева имела возможность позвать своего возможного сообщника, Смакуева, а, может, и Мастеркова, и вместе с ними спокойно искромсать ножом надоевшего мужа. Они могли сделать это и поочередно. Допустим, более сильный Смакуев нанес жертве несколько фатальных для нее ударов, а Ракчеева и Мастерков докончили его дело. Но зачем? Зачем нужно было наносить 13 ударов? Чтобы быть уверенными наверняка, что Тимофей мертв? А может, Людмила ненавидела своего благоверного и наносила ему удары ножом с таким остервенением, что не могла остановиться? Тогда возникает вопрос: за что она его могла так ненавидеть?

Помывшись, Мирутин тщательно вытер тело махровым полотенцем и прошел в спальню. Уже отходя ко сну, он вспомнил, что эту версию немного смазывают показания Богданы Шмитюк, которая не только видела в вагоне постороннего в форме проводника, но и дала его описание. И даже нарисовала этого человека. А также обнаруженная на месте происшествия форменная пуговица. Что-то тут не клеилось. Но что, додумать он не смог, погрузившись в глубокий, исцеляющий от дневной жары и усталости сон.

Глава 4

5 августа 2015 года, среда.

Совещание сегодня было назначено на десять часов. Вернее, именно к этому времени Серафим пригласил на него Антипова, Широкова, Кочемасова и Кириленко. Он сам, Коновалов и Самохвалов прибыли в его кабинет на час раньше. Нужно было подготовить к совещанию помещение, в котором не доставало столов и стульев, и обменяться последними сведениями, полученными по делу.

Когда они с Андреем перетаскивали из кабинета полковника Антипова стол, а Коновалов стулья, сыщик поинтересовался, кто из фигурантов дела должен был сегодня явиться на допрос.

– К одиннадцати я вызвал Светлану Дутову и Дину Минаеву, – поставив принесенные стулья рядом со столом, – доложил Артем. Сегодня он был в форменной рубашке с длинным рукавом. – Дутова, это подруга Минаевой, которую та попросила обратиться к Президенту, видимо, не желая светиться самой. А Минаева – это бывшая домработница семьи Ракчевых.

– Почему Минаева не хотела светиться? – с интересом взглянув на Коновалова, спросил Серафим. – И почему эта Дина бывшая домработница? Сегодня он был одет точно так же, как и Артем, в длинную форменную рубашку и такие же форменные брюки. Только в отличие от Коновалова, снявшего галстук и расстегнувшего верхнюю пуговицу рубашки,

Мирутин своего галстука не снимал.

– Этого я не знаю. Я вчера сумел только пообщаться по телефону с Дутовой. Она мне об этом и поведала. Обе чего-то опасаются. Надеюсь, что сегодня мы обо всем от них узнаем.

В десять часов в кабинет зашел полковник Антипов, спустившийся после совещания у генерала Рымова. Владислав Игоревич был невысоким полным мужчиной сорока семи лет. Раскрасневшийся от жары, весь потный, он бодро поздоровался с Серафимом, Артемом и Андреем, энергично пожав каждому руку и сел на предложенное место за столом для совещаний.

Почти сразу за ним, один за другим в кабинет вошли остальные трое. Первым в дверном проеме возник среднего роста и очень худой, с узким, вытянутым лицом подполковник Широков. Щуплый и слабый на вид, словно мальчик-подросток, Денис Петрович, которому недавно исполнилось 37 лет, отличался громовым голосом и был очень подвижен. Следом вошли два оперативника. Оба из московского уголовного розыска. И оба хорошо знали Самохвалова, который лишь недавно перевелся оттуда же в розыскное управление центрального аппарата министерства. Знакомы они были и с Серафимом, но под его началом преступлений еще не распутывали.

Кочемасов и Кириленко были одногодки. Оба подполковники. Однако Кочемасов выглядел старше своего напарника. Это был высокий и крупный мужчина. Широкая кость,

такие же плечи, упрямый, все запоминающий взгляд. Григорий Андреевич немного располнел и поэтому казался старше своих лет. Кириленко казался моложе. Среднего роста, подвижный, Роман Евгеньевич носил очки и был абсолютно лысым. Мелкие зубы, тонкий нос, маленькие уши и карие глаза делали его внешность довольно запоминающейся, что для оперативного работника было не очень хорошо.

Оба сотрудника полиции были в форменных офицерских рубашках. Впрочем, как и все присутствующие. Когда мужчины поздоровались и представились друг другу, заняв свои места за столом для совещаний, Мирутин кратко объяснил им суть дела, которым им предстояло заняться. После этого он предложил вновь прибывшим ознакомиться с материалами, собранными коллегами Коновалова. Каждый из них получил по тому делу и приступил к ознакомлению, периодически делясь друг с другом полученной информацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.